

СИСТЕМНАЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

ОМОНИМИЯ И ПОВТОР (к систематике системного в языке и речи)

Г.В. Векшин

Кафедра русского языка и стилистики
Московский государственный университет печати
ул. Прянишникова, 2а, Москва, Россия, 127550

С учетом того, что для языка нет потенциально незначимых сходств и различий, системные отношения в языке могут быть представлены как порождаемые соотношением отдельных типов гетероморфизма и оморфизма в планах выражения и содержания в соответствии с пятью степенями абстракции явлений при переходе от языка к речи. Таким образом, матрица системных отношений, в том числе лексико-семантических категорий, в языке может быть существенно детализирована.

Ключевые слова: омонимия, архонимия, дериватонимия, контрастонимия, варионимия, гетеронимия, омосемия, архисемия, дериватосемия, контрастосемия, вариосемия, гетеросемия, ступени абстракции, параллелизм, повтор.

Передо мной всплывает одна прежде не развернутая мысль, которая, мелькнув однажды, показалась мне тогда дельной, но относимой к области, которой я никогда не занимался, но которой так много внимания уделял Л.А. Новиков, — системным отношениям единиц языка, в том числе лексических единиц. Точнее, принципам их описания с учетом их функциональной перспективы и многоступенчатого характера типологии семантических отношений в лексике (1).

Эта мысль во многом навеяна «кубом синсемических отношений» Г.П. Мельникова [2]. Я попытаюсь ее изложить в начале статьи, а в продолжении — применить к более традиционным для моих научных занятий проблемам повтора и повторения в речи.

Речь пойдет об омонимии — но прежде всего в широком смысле, не как лишь о проблеме лексикологии и лексикографии, а об оси омонимии, или области строения форм в языке и речи как одной из плоскостей выбора языковых единиц и средств. Считается, что она порождает, в частности, такие явления, как лексическая, морфологическая и синтаксическая омонимия, паронимия и паронимазия, параллелизм и фигуры, основанные на параллелизме (анафора, эпифора, градация и т.п.), тавтология, грамматический, лексический и звуковой повтор (в частности, рифма), каламбур и другие. На этой же оси расположена функциональная полисе-

мия, т.е. потенциальная или фактически реализуемая в речи способность знака с неизменным планом выражения варьироваться в отношении плана содержания.

Но как, за счет чего и каким путем происходит это рождение приема «из духа» системных отношений (и наоборот)? Какими промежуточными ступенями опосредовано восхождение от типизированной речевой функции к типизированной и осознаваемой уже на уровне языка конструкции (приему) и далее к неким наиболее общим типам семиотического строения как формам соотношения формального и содержательного в языке? Какие из этих форм откладываются в языковом сознании как наиболее общие? И, наконец, как механизм повтора обеспечивает формирование этих типов?

В этой статье предлагаются не решения, а лишь некоторые соображения, могущие, вероятно, способствовать ответам на эти вопросы.

Известно, что системные отношения в языке и их реальное воплощение, применение в речи (в частности, речевая реализация возможностей лексико-семантических категорий) — это вещи разные, разнопорядковые. Вопрос о функциях лексико-семантических категорий — одна из важных частей концепции семантики, предложенной Л.А. Новиковым. Так, для идеографических синонимов им были выделены «две основные функции: замещение и уточнение» [1. С. 229].

Вместе с тем можно заметить, что функциональное содержание может значительно сближать разделяемые в языковой системе лексико-семантические категории. Например, уточнение типа *не друг, а товарищ* и антонимическое противопоставление *не противник, а товарищ* оказываются функционально близки как соположения, обнажающие контраст между интегральным и дифференциальным компонентами смысла.

В то же время синонимы в функции замещения, например в перифразе *Пришел его приятель Иван и другие его товарищи* преследуют не семантические задачи, а задачу избежания тавтологии, т.е. операции в плане выражения: главная ценность синонимов в этом случае заключается в том, что их форма различна, и в этом случае речь использует возможность сохранения смысла при варьировании и контрастной замене формы. Иными словами, синонимия здесь реализуется прежде всего как гетеронимия.

В отличие от гетероморфных (гетеронимичных) антонимов типа *высокий — низкий*, такие антонимы, как *микрокосм — макрокосм; долгосрочный — краткосрочный; ассоциация — диссоциация* (с общим корневым компонентом), а также «не-» и «без-формы» (*неинициативный* и *безинициативный* в противоположность *инициативному*), — это единицы, реализующие контраст семантики на базе их формальной интеграции.

Противопоставление омонимии и полисемии, принципиальное для категориально-понятийного аппарата лексикологии языка, оказывается нейтрализованным в конструкции каламбура, для которого существенна неоднозначность вообще — возможность наполнения разным смыслом формально сходных единиц.

Интегральный компонент для речи важен постольку, поскольку он или востребован сам по себе, или используется для подчеркивания дифференциального (т.е. позволяет представить единицу как внутренне контрастную или варьируемую). Собственно опора на неизменное создает сквозные нити текста, обеспечи-

вает нанизывание на них последующего, поддерживаемое параллелизмом. Опора на дифференциальное всегда «рематична», она позволяет говорить или о «новом», или о «другом». Отсюда — значимость наблюдений над характером параллелизмов и повторений единиц в речи, их соотношения или по сходству как таковому, или по смежности сходного с различным. Второй тип соотношения выражается в виде варьирующих и модифицирующих повторений, в частности позволяющих или не позволяющих быть сведенными к инвариантам.

Иными словами, вопрос встраивается в более общую проблематику актуализируемых речью **сходств** и **различий** как в области форм, так и в области смыслов, всегда реализуемых как соположение-сопоставление или повтор. Приводя знаменитый пример с «пятью франками», Соссюр подчеркивал, что «для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием... его надо, кроме того, сравнить с подобными ему значимостями, то есть с другими словами, которые можно ему противопоставить» [3. С. 148].

Не всегда замечается, что единственная из традиционно выделяемых лексико-семантических категорий, казалось бы отражающая не взаимоотношение единиц, а свойство отдельной единицы, — полисемия — представляет собой результат фактического или мысленного сближения-сопоставления минимум двух словоупотреблений, так что *ручка*₁ — *ручка*₂ — *ручка*₃ — это не просто проявление некоей способности знака к семантическому варьированию, но то, что раскрывается при сближении двух или более формально сходных единиц, к тому же связанных отношениями семантической деривации.

В целом, в системе лексико-семантических категорий понятия синонимии и антонимии традиционно связываются с областью смысла, понятия омонимии и полисемии — представляют взгляд со стороны формы, а паронимия представляется как результат определенного согласования форм и смыслов, явление «промежуточное» (2) (что, вообще, не совсем точно, потому что проблема паронимии возникает вследствие похожести форм прежде всего).

Между тем результатом взаимодействия планов выражения и содержания, несомненно, является не только паронимия, но каждый из типов системных отношений языка, отчего он и должен быть описан на единых с другими основаниях.

Это обстоятельство особо подчеркнуто в данном Л.А. Новиковым определении лексико-семантической категории как «единства обобщенного лексического значения и соответствующих форм выражения, проявляющегося в характерных функциях, которые свойственны единицам, подводимым под эту категорию» [1. С. 189]. Тем более это касается речевых проявлений системных отношений, для которых действующими, конститутивными факторами всегда являются как формальные, так и семантические — в их совокупности и взаимодействии.

Замечу, что требование единства и соотносительности интегрального и дифференциального компонентов знаков как в плане выражения, так и в плане содержания обычно хорошо осознается и соблюдается при создании и использовании терминов.

Однако именно терминам, обозначающим лексико-семантические категории, в этом отношении, кажется, исторически не слишком повезло.

Терминология, описывающая системные отношения в языке, в основном унаследована от риторики, которая традиционно планы содержания и выражения разделяла нечетко, что и отразилось на терминах. Из всех наименований этого ряда полисемия (как *-семия*) оказывается стоящей особняком, а в ряду семасиологических категорий обозначения видов неоднозначности — *омонимия* и *полисемия* — на фоне сходной словообразовательной структуры оказываются лишены *tertium comparationis* в морфемном строении: *омонимия* («одноименность») фокусирует взгляд на области формы, а *полисемия* («многосмыслие», многозначность) — на области смысла.

Учитывая, что основу механизма языка составляет принцип актуализации сходств и различий, с одной стороны, и планов выражения и содержания — с другой, а системные отношения в языке закрепляют типичные способы такого взаимодействия, при их описании имеет смысл терминологически более последовательно и более «прозрачно» разводить планы выражения и содержания в языке, что было, в частности, отражено Г.П. Мельниковым в терминах *омосемия* и *гетеросемия* [2], одновременно не представляя ни единого системного явления в качестве продукта одностороннего диктата одного из этих планов при незначимости другого.

Второй важный аспект проблемы — уровни абстрагированности системных явлений от их функционирования, применения в речи. Следует обратить внимание не только на низшие, но и на наиболее высокие уровни абстракции, которым соответствуют и производными которых выступают отдельные системные категории. Очевидно, что высший из этих уровней образуется собственно **сходствами** и **различиями** единиц, способных сближаться, сопоставляться и повторяться в речи как в плане содержания, так и в плане выражения — теми простейшими принципами формо- и смыслообразования, на которых основывается любой язык по существу.

Здесь выделяются по крайней мере пять ступеней: 1) ступень сходств-различий как таковых; 2) ступень, на которой выделяются общие типы этих сходств и различий на двух осях (в двух планах) языка в их противопоставленности; 3) ступень, на которой эти типы раскрываются в своей речеобразующей перспективе во взаимодействии планов выражения и содержания (в частности, как лексико-семантические категории); 4) ступень типизированных узуальных речевых форм и приемов, актуализирующих эти типы отношений; 5) ступень уникальных (окациональных) продуктов речевого применения этих типизированных форм и приемов (интерпретационный компонент, по А.В. Бондарко [5]).

Спектр явлений, образуемых сходствами и различиями в языке вообще, на **первой ступени**, создается переходом от полного сходства (I) к сходству частичному (id), затем еще более слабому (di) и, наконец, к полному различию (D):

I----- id ----- di ----- D.

Крайние участки этого спектра создаются полюсами *омоморфизма* (I) (или *изоморфизма*), и *гетероморфизма* (D), которые и представляют собой наиболее общие системные категории языка.

Понятно, что как полное сходство, так и полное различие единиц в языке и речи не существуют, они возможны лишь как сходства или различия функциональные и как установка, как предел, к которому в конкретном случае может стремиться говорящий. В языке не бывает так, чтобы две единицы, на первый взгляд самые несопоставимые, не имели ничего общего, а следовательно — по каким-то параметрам не могли быть противопоставлены. Поэтому гетероморфные структуры не менее значимы для языка как системы, чем омоморфные (изоморфные) (3).

Вторая ступень представляет этот спектр в его приложении к двум планам языка: как сходства-различия форм, с одной стороны, и как сходства-различия смыслов — с другой. Здесь полюс омоморфизма проявляется как *омонимия* (в плане выражения) и *омосемия* (в плане содержания); полюс гетероморфизма — как *гетеронимия* (в плане выражения) и *гетеросемия* (в плане содержания). Срединные части спектра дают виды частичного сходства/частичного различия, о которых ниже.

Для плана выражения крайними точками в спектре системообразующих факторов окажутся полное формальное сходство (полная омонимия) и полное формальное различие (гетеронимия); для плана содержания — предельная омосемия и предельная гетеросемия.

В целом на оси омонимии для второй ступени этот ряд представляется таким:

омонимия (HmN) — архонимия (AN) — дериватонимия (DN) — контрастонимия (CN) — варионимия (VN) — гетеронимия (HtN).

На оси синонимии образуется ряд:

омосемия (HmS) — архисемия (AS) — дериватосемия (DS) — контрастосемия (CS) — вариосемия (VS) — гетеросемия (HtS).

Здесь системные явления выделяются не как результат взаимодействия планов, но каждое лишь на своей оси.

Омонимичными для этой ступени являются знаки 1. *лист* и 2. *Лист*; *лист1* и *лист2*. Гетеронимичными, в частности гетерофоничными, будут знаки в паре *мой* — *даже*; *индивидуализм* — *о* (они же в данном случае находятся в отношениях грамматической и лексической гетеросемии).

Отдельно следует пояснить средние члены в этих рядах, обозначающие участки неполного сходства / неполного различия:

архи-/арх(о)- — это то, что обнаруживает сходство-несходство форм и смыслов на осях род—вид, общее—особенное, целое—часть, т.е. по-разному воплощает отношения включения и включения—объединения между знаками.

В качестве первого типа архисемии можно рассматривать гипосемию (традиционно называемую гипонимией, хотя в этом случае речь идет об отношениях семантического включения, в рамках привативной оппозиции): *водоем* ⊆ *река*; *река* ⊆ *Нева*; *река* ⊆ {*Нева*, *Ока*} и т.п. Однако существуют и отношения формального включения, при обязательном или неполном включении семантическом: *Москва-река* ⊆ {*Москва*, *река*}; *палаты* ⊆ {*полы*, *халаты*} в строках Б. Пастернака *К палатам, полам и халатам / Присматривается новичок* («В больнице»).

Отношения такого рода, выражающиеся во вмещении сложным словом основ двух простых мотивирующих слов или вмещении контаминантом (умышленным или потенциальным) слов-контаминаторов, могли бы называться архонимией. Продуктом архонимии является анаграмма.

Дериватонимия и *дериватосемия* — тип системных отношений, основанных на производности и мотивированности (ср. понятие корреляций семантической производности в [6. С. 106—108]).

Этот тип, на который обратил внимание уже Аристотель (Cat., 1 [7]), по способности включать семантические и формальные компоненты производящего элемента в производный, очевидно, примыкает к архисемии и архонимии, но не сливается с ним. Проявлением дериватосемии является связь между вариантами многозначного слова, из которых один является результатом семантической деривации, лексико-семантического способа словообразования (ср. [8. С. 175; 9. С. 571—595]), на следующей ступени проявляющейся, например, как дериватосемическая эквивокация (прием на основе полисемии): *В глухих металлургических лесах... сорвался лист. Уж осень наступила / в глухих металлургических лесах* (А. Еременко). (Впрочем, многозначность может и не проявляться в контексте как семантическая деривация, а реализовать лишь семантическое варьирование.) Гетеронимический полюс дериватосемии образует словообразовательный супплетивизм (ср. [10]).

Контраст(о)- — то, что обнаруживает несходство на фоне общности и общность на фоне различий. Сегмент общности в этом случае противопоставляется сегменту различия, интеграл вступает в контрастные отношения с дифференциалом.

Прежде всего формы и смыслы контрастируют там, где сегмент общности превалирует над сегментом различия количественно, а сегмент различия над сегментом общности — качественно.

Контрастосемия выражается в противопоставленности двух и более элементов, которая позволяет видеть внутренний контраст семантики единицы, функциональную разведенность ее компонентов. То, какая из внутренне контрастирующих частей структуры — сегмент сходства или сегмент различия — окажется актуализированной, определяет уже собственно речевую перспективу этого типа отношений.

Вари(о)- — то, что представляется различиями как вариациями на фоне неизменного, причем значимость этой вариативности также раскрывается только при соположении разных единиц, обнаруживающем их способность быть либо «перепевами» чего-то третьего, либо вариацией одного в отношении другого. Вариосемические отношения, воплощаются, в частности, во всех видах многозначности. На базе варионимии формируется паронимия.

Поскольку варьирование может осуществляться в большом диапазоне, этот тип представляется ближе к гетероморфизму, хотя, вообще говоря, выделенные срединные типы отношений прежде всего близки друг к другу и разделяются они прежде всего по характеру соотношения сходного и различного, а объединяются по значимости гетероморфоного начала, т.е. прежде всего контраст и варьирование отражают характер различного.

Устойчивые формы реализации всех этих типов отношений, соответствующие **третьей и четвертой ступеням** конкретности, возникают как продукт взаимо-

действия планов выражения и содержания в их более дробном представлении, как результат специфического соединения-сочетания отдельных сегментов спектров формы и смысла в одном типическом семиотическом явлении. Здесь системные отношения специфицируются уже по характеру взаимопроекции содержательного и формального планов, образующего частные типы системных отношений взаимодействием отдельных участков каждой из осей.

Так, например, соединение в речи омонимии с омосемией на третьей ступени даст дублирование, а на четвертой тавтологию; омонимия в соединении с вариосемией на третьей ступени оборачивается многозначностью (семантическим варьированием неизменной формы), а на четвертой ступени предстает как подмена значений полисеманта, как полисемическая эквивокация (одновременная актуализация нескольких значений многозначного слова) и т.д.; гетеросемическая омонимия — это омонимия в привычном для лексикологии, узком, смысле (омонимия-3) — на четвертой ступени она может реализоваться лишь как случайное совпадение форм, в то время как контрастосемичная омонимия на 4 уровне выражается в комплексе функциональных явлений и приемов, в частности таких, как омонимический и полисемический каламбур: *После смерти последнего мастера оживут последние сволочи...* (А. Платонов. *Чевенгур*).

Варионимическая омосемия на 3 ступени — вся область типизированного произносительного и прочего варьирования ([разйест] — [раз'йест]); варионимическая контрастосемия в языке — это, например, церковнославянско-русская паронимия (город — град), а на 4 ступени возникают контрастивные виды паронимазии (паронимической аттракции, агноминативной детракции и проч.), параллелизм и множество его видов.

Гетеронимичная омосемия — это на 3 ступени синонимия в функции замещения; гетеронимичная контрастосемия — это на той же ступени синонимия в функции уточнения, антонимия и конверсия, на 4 ступени — сравнение, градация.

Очевидно, что уже потому, что в одну «клеточку» может вписаться большое количество более частных системных явлений, выделенных критериев недостаточно, чтобы дать их исчерпывающее описание.

Однако похоже, что описание, идущее к частным случаям, не может не отталкиваться от более общих типов (и, прежде всего, от отношений, значимых для любого системного узла, в частности общих для всех лексико-семантических категорий).

Воздержимся пока от построения таблицы, которая, вообще, напрашивается. Достаточно высказать надежду, что каждое из существующих понятий в области приемов и типизированных речевых форм может быть уточнено путем его соотнесения с отдельными сегментами спектра сходств-различий на двух осях языка.

Замечу, однако, что метафора «спектра» в нашем случае применяется очень условно и даже неточно: сегменты неполного сходства-различия не образуют последовательно расположенных и плавно переходящих друг в друга, а тем более резко отграниченных друг от друга участков, но все расстояние от предельного оморфизма к предельному гетероморфизму, каким оно, во всяком случае, предстает уже на 4 ступени конкретности — ступени типизированных речевых средств и приемов — образуется взаимоналожением и комбинацией разных видов сходства-различия, при доминировании одного из них.

Это, в частности, дает возможность квалифицировать сближение *tan1* — *tan2* (в англ.) как омонимическую архисемию, сближение *одолжить1* — *одолжить2* (энантиосемию) как омонимическую контрастосемию, сближение *сема* — *семема* как архисемию контрастонимическую, а сближение *зеленый* — *темно-зеленый* как архисемию (гипосемию) деривато-, контрасто- и архонимическую, т.е. определяемую одновременно несколькими компонентами расщепленного смысла, тремя видами частичного сходства-различия.

Думается, что основное в приведенных выше рассуждениях, — попытка привнести в сферу системообразующих признаков в языке различие как таковое, а не только регулярно востребованное, и притом различие, конкретизируемое относительно его функциональных форм — перспективы интерпретации.

Сказанное выше позволяет, в частности, взглянуть на омонимию как много-ступенчатое системное явление.

На высшей ступени абстракции, где важны лишь сходства и различия, она представляет собой оморфизм (изоморфизм), противопоставленный гетероморфизму.

На второй ступени, где к сходствам и различиям подключается противопоставление планов выражения и планов содержания, омонимия представляет собой ось омонимии-гетеронимии (или, упрощенно, ось омонимии — сходств и различий в плане выражения). Ступенью ниже, где явления образуются взаимопроекцией осей содержания и выражения, возникает омонимия как один из узлов системы языка, в частности лексико-семантической (неоднозначность) — собственно омонимия (омонимия гетеросемическая) и полисемия (омонимия вариосемическая).

На следующей ступени собственно омонимия и полисемия реализуются как прием (например, омонимический или полисемический каламбур, эквивокация) или как ошибка (смещение омонимов или вариантов многозначного слова).

На последней ступени прием должен рассматриваться в своей типизированной функции в контексте семантики, синтактики и прагматики конкретного высказывания.

Потенциально в языке нет незначимых сходств и различий. Актуализация всегда контекстуальна. Поэтому для того чтобы какое-то явление могло начать осознаваться как контекстуально значимое, достаточно его однократного повторения, а также повторения ожидания, на фоне которого отсутствие ожидаемого может восприниматься как значимость.

Языковая системность явления обеспечивается его повторением и ожиданием уже не просто неоднократными и спровоцированными, но регулярными и продуктивными, отчего область гетероморфизма для нее может быть сужена до наиболее устойчивых (дифференциальных) признаков. Для системности контекстуальной, речевой эта область предельно расширяется. Функциональное изучение языка никак не может не учитывать различий во всем их диапазоне. И свидетельствами тому являются как раз очертания лексико-семантических категорий, которые формируются взаимопроекцией осей выражения и содержания в диапазоне от максимально возможного сходства до максимально возможной разности.

Отношения гетероморфизма как таковые в основном находились на периферии интересов лингвистики прошедшего века (хотя и не были вовсе исключены:

см., например, [11; 12]), поскольку внесистемные сходства и различия обычно представлялись незначимыми, хотя коллоквиалистика (см. [13; 14] и др.) и теория художественной словесности, особенно стиховедение, постоянно напоминали об обратном: для характеристики языка в его функционировании важны не некоторые, а любые сходства и различия.

В этой связи характерно устойчивое стремление лексикологии «приватизировать» омофонию, представляя ее лишь разновидностью неполной лексической омонимии.

В.В. Виноградов, который ставил вопрос о «смежных» с омонимией явлениях с большой осторожностью (особенно там, где речь шла о типах и функциональных аспектах звукового подобия), в частности подчеркивал, что разводить омофонию и омонимию следует именно в интересах лексикологии.

В то же время Виноградов понимал омофонию не как сугубо лексическое явление: «Омофония — понятие гораздо более широкое, чем омонимия. Оно охватывает все виды единозвучий или созвучий — и в целых конструкциях, и в сцеплениях слов или их частей, в отдельных отрезках речи, в отдельных морфемах, даже в смежных звуко сочетаниях», а «разнообразные типы омофонии, созвучий и подобозвучий слов, возникающие в речи или даже встречающиеся в системе языка», ученый выделял как особую область исследования, считая, что с лексической омонимией — «омонимией в собственном смысле этого слова» — разнообразные виды омофонии «нельзя смешивать и даже сближать» [15. С. 297—298]. Кажется, омофония в этом случае предстает не только как более широкое понятие, но и как принцип более общий — соответствующий омоморфизму в плане выражения, который далее может принимать вид омонимических, архонимических, дериватонимических, контрастонимических и варионимических повторов.

Так, в кругу приемов звуковой организации фольклорных паремий («омофонической» их организации, образуемой звуковыми повторами и аналогиями) выделяются, с одной стороны, формы, построенные на жесткой дифференциации разных слоев звукового строения и частей звуковой цепи — контрастонимические сближения (эквифония): *Богово дорого, бесово дешево* (здесь в соединении с контрастосемией — антонимией) и основанные на контрастонимии приемы — например, спунеризм: *уткий гаденок / гадкий утенок*; а с другой — варионимические, «гибкие» повторы, сопровождаемые внутрисловными метатезами: *Варвара* мне тетка, а *правда сестра* — и/или перемещением ударения: *Невинно вино*, да проклято пьянство (здесь в обоих случаях с провокацией эффекта семантической и формальной деривации и контрастосемией синтаксически параллельных членов).

Ни рифмы и другие прямые отзвучия, ни метатезы, ни перемещение ударения не являются регулярными средствами смыслоразличения или слово- и формообразования в русском языке, но, образуясь на пересечении указанных видов неполного сходства и различия, они выступают типизированными средствами смыслообразования и композиционно-синтаксической организации текста [16; 17].

Если в языке нет ничего, кроме сходств и различий, то можно сказать и так: в языке нет ничего, кроме бесконечной массы различий, нерегулярностей и случайностей, потому что благодаря повтору любое различие при определенных ус-

ловиях готово стать значимостью. Для носителей языка важны сходства и различия во всем их диапазоне, соотношения сходств и различий, их борьба, опять же, во всем их диапазоне, как и все устойчивые формальные различия в их отношении к различиям содержательным, потому что стихийные сходство и различие в языке всегда готово стать типологически значимым, а значимое типологически — универсальным и регулярным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Одна из моделей такого многоступенчатого описания предложена и обоснована в работе Л.А. Новикова [1. С. 136—147, 258].
- (2) Ср.: «Паронимию мы определим теперь как явление в полном смысле промежуточное; паронимия есть частичное совпадение двух фонетических слов, несводимое к омонимии и к совпадению каких-либо самостоятельных частей этих слов (корней, приставок, суффиксов, окончаний), при одновременном совпадении значений такого характера, что оно практически не может быть определено квалифицировано либо как синонимия, либо как вариантность» [4. С. 35].
- (3) Поэтому, в частности, кажется излишне категоричным утверждение, что «сопоставление всех слов со всеми не только невозможно, но и бессмысленно» и что ничего нового мы не узнаем, «если нам вздумается противопоставить по значению слова, например, *мерцать* и *друг* или *вчера* и *благодаря*» [6. С. 97]. Фактически именно таким соположением «далековатых» форм и смыслов неустанно занята поэтическая речь.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Новиков Л.А. Семантика русского языка. — М., 1982.
- [2] Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. — М., 1978.
- [3] Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977.
- [4] Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. — М., 1975.
- [5] Бондарко А.В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. — СПб., 1998. — С. 51—63.
- [6] Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. — М., 2007.
- [7] Аристотель. Соч. в 4 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1978.
- [8] Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том I: Лексическая семантика (синонимические средства языка). — М., 1995.
- [9] Новиков Л.А. О лексико-семантическом способе словообразования в современном русском языке // Новиков Л. А. Избранные труды. — М., 2001. — С. 571—595.
- [10] Конецкая В.П. О понятии супплетивизма и его соотношении с гетеронимией // Вопросы языкознания. — 1968. — № 2. — С. 20—27.
- [11] Зубкова Л.Г. Симметрия и асимметрия языковых знаков (по данным анализа звуковой формы лексико-семантических категорий) // Проблемы фонетики. I. Сб. статей / Отв. ред. Т.М. Николаева. — М., 1993. — С. 21—31.
- [12] Зубкова Л.Г. Принцип знака в системе языка. — М., 2010.
- [13] Лаптева О.А. Гомофункциональные ряды — принцип системности русского некодифицированного устно-разговорного синтаксиса // Вопросы языкознания. — 1973. — № 5. — С. 60—77.
- [14] Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. — М., 1996.
- [15] Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — С. 295—312.

- [16] *Векшин Г.В.* Фоностилистика текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования. — М., 2006.
- [17] *Векшин Г.В.* Метатония (акцентный сдвиг) в системе фоностилистических приемов текста // *Лингвистика креатива: Коллективная монография / Отв. ред. Т.А. Гридина.* — Екатеринбург, 2009. — С. 194—215.
- [18] *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение // *Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание.* — М., 1986. — С. 9—86.
- [19] *Мельников Г.П.* О типах дуализмов языкового знака // *Науч. докл. высш. шк., «Филол. науки».* — 1971. — № 5. — С. 54—67.
- [20] *Новиков Л.А.* Синонимия как функция // *Новиков Л.А. Избранные труды.* — М., 2001. — С. 538—553.
- [21] *Пешковский А.М.* В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? // *Пешковский А.М. Избранные труды.* — М., 1959. — С. 74—100.
- [22] *Ульман С.* Семантические универсалии // *Новое в лингвистике. Вып. V: Языковые универсалии.* — М., 1970. — С. 250—299.
- [23] *Делё Ж.* Различие и повторение. — СПб., 1998.

HOMONYMY AND REPETITION (Towards Systematics of Systemic Categories in Language and Speech)

G.V. Vekshin

Russian Linguistics and Stylistics Chair
Moscow State University of Printing Arts
Prianishnikova str., 2a, Moscow, Russia, 127550

Proceeding from the idea that there are no potentially insignificant similarities and distinctions, systemic relations in language could be presented as those generated by correlation of separate types of heteromorphism and homomorphism in the planes of content and expression according to five steps of abstraction of the language and speech phenomena. Thus, the matrix of system relations in language, including lexico-semantic categories, could be essentially detailed.

Key words: homonymy, archonymy, derivatonymy, contrastonymy, varionymy, heteronymy, homosemy, archisemy, derivatosemy, contrastosemy, variosemy, heterosemy, steps of abstraction, parallelism, repetition.